

БИБЛИОТЕЧНЫЙ ГУМАНИЗМ В ТЕОРИИ И НА ПРАКТИКЕ

1. Теоретическое введение. Чтобы разобраться в библиотечном гуманизме, нужно предварительно уяснить, что такое гуманизм вообще? Вопрос сложный и весьма запутанный. Европейские ученые толкуют о гуманизме более 500 лет, и в наши дни сложились три различных понимания термина «гуманизм»:

1. Историко-культурологическое: *Гуманизм* — это идейно-культурное движение эпохи Возрождения, которое базируется на следующих принципах: свободном всестороннем развитии личности; освобождении от духовного господства феодализма и католицизма; обращенности к античной философии, литературе, искусству. Это понимание оставим историкам культуры.

2. Обыденное: *Гуманизм* — это отношение к людям, которое характеризуется чуткостью, уважением, справедливостью, отзывчивостью, заботой, любовью, состраданием. Это понимание односторонне акцентирует этический аспект гуманизма, упуская из виду другие его аспекты.

3. Философско-антропологическое, соответствующее теории гуманизма (гуманистике): *Гуманизм* — *мировоззренческая система универсалий духовной культуры*. В системе универсалий (общих категорий) духовной культуры выражены эталонные представления о месте человека в мире, о социальных отношениях, о духовной жизни и ценностях человеческого мира, о природе и организации её объектов и т.д.

Именно философско-антропологическое понимание примем за основу в наших рассуждениях о библиотечном гуманизме. Представим сущность понятия гуманизма в виде *эталонной формулы*, включающей универсалии культуры, свойственные разным проявлениям гуманизма. Данную формулу назовем «эталонной», поскольку она может служить *эталон*ом (нормой, мерилем) для оценки как мировоззрения и поведения личности, так и социальной идеологии и политики власти (например, соблюдение прав и свобод человека). Обобщая взгляды различных авторов, эталонную формулу гуманизма представим в виде сочетания пяти универсалий, которое в простейшем арифметическом выражении имеет вид:

$$\text{Гуманизм} = \{ \mathbf{A} + \mathbf{B} + \mathbf{C} + \mathbf{D} + \mathbf{E} \}, \text{ где}$$

A — *рационалистическая универсалия* обусловлена тем, что гуманизм вышел на историческую арену в эпоху Возрождения под знаменем рационального знания и творчества, которые противопоставлялись средневековому обскурантизму и церковному догматизму. Он сложился как мировоззрение, основанное не на слепой вере, а на критическом мышлении и скептицизме. Безумие, глупость, невежество исключаются из гуманистического мировоззрения как антиподы человечности. Поэтому категории «разум», «познание», «знание» входят в формулу гуманизма в качестве основополагающей универсалии культуры;

B — *универсалия свободы* — *свобода воли (выбора)* творческого самовыражения во всех областях человеческой деятельности, прежде всего в художественном творчестве, научном познании и предпринимательстве. *Свобода самореализации* разумного и знающего субъекта заключается в возможности осуществления естественных прав человека (свобода мысли, свобода слова, свобода общения, свобода самосовершенствования) и в добровольном выборе (свобода воли) гуманистических ценностей. Свобода социализированной личности соотносится с общественным законом и, соответственно, с ответственностью за его соблюдение и наказанием за его нарушение.

С — *эстетическая универсалия* отражает свойственное людям, и только людям, не-утилитарное переживание гармонии мира и прекрасных произведений искусства. Эту универсалию выражают такие эстетические категории, как «прекрасное», «возвышенное», «искусство». В мировых «религиях писания» (иудаизм, христианство, ислам) книжность изначально почиталась как область возвышенного и прекрасного. Эстетическая универсалия гуманизма включает *искусство книги*, представляющее собой раздел современного книговедения. Библиофилия и его гипертрофированная форма библиомания, как и всякое коллекционирование ценностей, являются способом удовлетворения эстетических потребностей цивилизованного человека.

Д — *аксиологическая (ценностно-целевая) универсалия* — представления о главных ценностях и цели (смысле) жизни человека в данном обществе, о назначении (функциях, миссии) социальных институтов и организаций, которые выражаются в оппозициях «альтруизм — эгоизм», «добро — зло» и категориях «труд», «сила», «богатство», «власть». *Альтруизм (бескорыстное человеколюбие)* предопределяет цели гуманистической деятельности; его антипод — *эгоизм* толкает человека на антигуманистические поступки.

Е — *этическая универсалия*, регламентирующая выбор гуманных (антигуманных) средств при взаимодействии людей друг с другом, выражающаяся в оппозиции «насилие — ненасилие», категориях «справедливость», «ответственность», «долг», «толерантность», принципе «цель оправдывает средства». Гуманистическая этика основана на «золотом правиле»: поступай с другими так, как хочешь, чтобы с тобой поступали; не делай другим того, что ты не желаешь себе.

Весьма важно подчеркнуть, что гуманизм нельзя сводить к отдельно взятой универсалии. Например, гипертрофированный разум может быть столь же бесчеловечным, как врожденный кретинизм; неограниченная свобода иногда опаснее рабства, абсолютизация эгоизма столь же нелепа, как абсолютизация альтруизма и т.д. Поэтому не следует отождествлять этическую универсалию «гуманность» и систему универсалий «гуманизм». Гуманизм будем понимать как *систему гармонично и нормально развитых* мировоззренческих универсалий. При этом возможно и допустимо доминирование, то есть относительное превалирование, отдельной универсалии (рационалистической, эстетической или какой-либо другой) или напротив, слабое её развитие. Важно, чтобы эти вариации не выходили за рамки определенных нормативов.

Если обнаруживаются все слагаемые формулы в виде гуманистических категорий, то имеет место полноценный гуманизм; если представлены только некоторые слагаемые, то частичный, или квазигуманизм; если аксиологическая и этическая универсалии выражены негативными категориями, например, «эгоизм + насилие», то имеет место отрицание гуманизма — антигуманизм. Получается *гуманистическая шкала*, включающая три мировоззренческих градации, определяющие гуманистический уровень (уровень человечности) данного субъекта:

- гуманизм — абсолютная человечность;
- квазигуманизм — относительная человечность;
- антигуманизм — человеконенавистничество (мизантропия).

Уровни квазигуманизма и антигуманизма представляют собой отрицание абсолютной человечности (гуманизма). Согласно правилам логики, отрицание гуманизма есть негуманизм, или, используя латинскую приставку «де-», — дегуманизм. Следовательно, «дегуманистическими» будем считать все действия социальных субъектов, которые не вполне соответствуют эталонной формуле гуманизма.

Итак, гуманизм не в обыденном, а в философском его понимании, представляет собой систему пяти универсалий культуры: рационалистической, свободы самореализации, эстетической, аксиологической и этической. Эталонную формулу гуманизма удобно использовать для оценки отдельного человека (насколько он соответствует модели гуманиста); для оценки гуманизации / дегуманизации общества; для оценки гуманистической деятельности социального, в частности, библиотечно-библиографического института. На

основе эталонной формулы попытаемся вывести формулу библиотечного гуманизма и включить соответствующее понятие в теорию библиотековедения. Однако не будем спешить, потому что наша задача заключается не в формализации понятий, а в осмыслении реальных проблем, стоящих за этими понятиями.

2. Российская реальность, с точки зрения теории гуманизма, характеризуется двумя негативными тенденциями: во-первых, усугубляющимся риском дегуманизации, во-вторых, обостряющимся кризисом книжной коммуникации.

2.1. Риск дегуманизации. Современное российское общество — общество больное, общество риска дегуманизации. Еще в конце прошлого века вдумчивый философ Мераб Мамардашвили написал, выражая общую обеспокоенность российской интеллигенции: «Я боюсь, что современная Россия становится зоной антропологической катастрофы, ибо слишком явственно проступают в её лике симптомы дегуманизации»¹. Российским недугам посвящен необозримый массив официальных, публицистических, политических, научных, философских, футурологических и прочих публикаций, в которых пестрят термины «депопуляция», «деградация (вырождение) нации», «обнищание», «деиндустриализация», «дискредитация идей свободы и демократии», «криминализация», «коррупция», «беззащитность», «дестабилизация», «бездуховность», «обман, предательство, бесстыдство» и другие, сравнительно недавно не отличавшиеся высокой частотностью в русском языке. Приходится признать, что наше Отечество вступило в третье тысячелетие нашей эры не как могучая материально и здоровая психологически сверхдержава, а как духовно истощенное, нравственно дезориентированное, разочарованное и озлобленное множество современников. Растет социальное расслоение, распространяется насилие, корыстный индивидуальный и корпоративный эгоизм, ужесточается межэтническая вражда. Имитация демократии и либерализма оборачивается безнравственностью, беззаконием, криминальностью. Совесть, стыд, милосердие, альтруизм, интеллигентность — старомодны, как семейное чтение вслух. Конкретным проявлением, можно сказать, индикатором дегуманизации общества является кризис российской книжности, которая со времен крещения Руси служила выражением духовной культуры нашего народа.

2.2. Кризис российской книжности проявляется в следующих хорошо известных явлениях:

1. *Дисфункция чтения.* В мае 2011 года социологи чтения установили, что 18% россиян, будущих граждан информационного общества, не имеют дома книг, а доля «нечитателей», никогда или «очень редко» берущих в руки книги, составляет 35%. Доля тех, кто ходит за книгой в библиотеку, составляет 9%². Все меньше и меньше книголюбов, проявляющих, как говорят, «рудиментарные интеллигентские читательские установки». В 1990 году насчитывалось 28% россиян, имеющих дома менее сотни книг, а в 2011 году их стало 49%. Если дисфункция чтения будет усугубляться, то автоматически произойдет разбиблиотечивание страны. В самом деле, если русские люди перестанут читать книги, зачем содержать пустующие библиотеки? Боюсь, что уже сегодня очень немногие налогоплательщики встревожатся, если вместо филиала ЦБС на их улице появится частное Интернет-кафе.

2. *Сокращение книжного рынка.* Ежегодные отраслевые доклады Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям нельзя назвать оптимистическими. Вопреки ожиданиям, 2011 год не стал годом выхода из кризиса. Падение продаж в книжной рознице, сокращение числа книжных магазинов, постоянно растущие цены на книги — зримые симптомы болезненного состояния российского книжного дела. Если средняя отпускная цена книги в центральных издательствах в 2006 году составляла 189 руб., то в

¹ Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. — С. 25.

² Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. — М., 2012. — С. 77.

2011 году она выросла до 245 руб.³ Зато выпуск электронных изданий и букридеров находится на подъеме, и по оценкам экспертов в ближайшем будущем сможет занять четверть книжного рынка.

3. *Свертывание библиотечных сетей.* Без официального афиширования, но достаточно последовательно в стране осуществляется политика свертывания библиотечных сетей. Испарились сети партийных и профсоюзных библиотек, серьезно пострадали отраслевые и территориальные системы научно-технических библиотек, продолжается демонтаж централизованных библиотечных систем⁴. Единственным крупным вкладом в библиотечное строительство является открытие в мае 2009 года Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина. Эта Библиотека получила статус национальной электронной библиотеки и представляет собой типичный информаторий, располагающий информационным ресурсом в виде оцифрованных фондов архивных документов, изданий и мультимедийных материалов и предлагающий дистанционный доступ к этому ресурсу.

Руководствуясь принципом «адаптации культуры к рыночной экономике», Государственная Дума Российской Федерации последовательно проводит политику сокращения государственных затрат на содержание библиотек. Значительным шагом в этом направлении стал принятый в 2003 году Федеральный закон о местном самоуправлении ФЗ 131, который возложил ответственность за библиотечное обслуживание населения на муниципальные власти — самую бедную и самую невежественную властную структуру. Не знаю, какую экономию государственному бюджету принес принятый в июне 2005 года ФЗ 94 «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», но известно, что он нанес серьезный ущерб комплектованию библиотек. Новым испытанием жизнеспособности библиотек стала 4-ая часть Гражданского кодекса РФ, защищающая авторские права, но не интересы читателей, библиотек, национальной культуры. Еще одна «антибиблиотечная» акция — Федеральный закон от 8 мая 2010 года № 83 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений».

4. *Депопуляция библиотечной профессии.* Библиотечная профессия всегда была уделом бесребренников и нестяжателей, способных, как отметил один интеллектуал, «долго существовать при безденежье и не жаловаться на плохие условия труда». Вопрос о справедливой оплате библиотечного работника всерьез не ставился никогда, социальный престиж профессии катастрофически низок. Закономерным следствием стал кризис кадрового обеспечения. Библиотечно-профессиологическое исследование, проведенное нами в начале XXI века⁵, показало великолепных библиографов с пятидесятилетним стажем работы в библиотеке, энтузиастов-книжников предпенсионного возраста и катастрофический дефицит молодежи. По официальным данным, в 2011 году в библиотеках России трудились 161,2 тыс. человек, которые по возрасту распределялись следующим образом: 11% — до 30 лет, 67% — от 30 до 55 лет, 22% — от 55 лет и старше⁶. Самое печальное, что библиотечная школа ради самосохранения вынуждена притворяться «небиблиотечной», и только 4,0% её выпускников планируют связать свою биографию с библиотечным делом, а 68,0% предпочитают частное предпринимательство вне библиотечно-информационной сферы. Вырисовывается кошмар «разбиблиотеченных» библиотек, то есть учреждений без книг, без читателей, без библиотекарей, но с вывеской «библиотека».

³ Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. — М., 2012. — С. 30.

⁴ Как сообщает сервер отраслевой статистики Минкультуры России, количество публичных библиотек отрасли в период 1995–2005 гг. уменьшилось с 50,1 тыс. до 48,1 тыс., а число читателей сократилось на 2 млн.

⁵ Соколов А.В. Доживем до воскресенья (Перспективы библиотечной профессии в XXI веке) // Науч. и техн. б-ки. — 2003. — № 5. — С. 5–24.

⁶ Основные результаты статистического наблюдения библиотек Российской Федерации на 1 января 2011 года // Библиотековедение. — 2012. — № 2. — С. 21.

5. *Оскудение научной мысли.* Внимание библиотековедения, библиографоведения, книговедения сосредоточено либо на современных технологиях, либо на исторической фактографии. Слов нет, надо, необходимо заниматься этими проблемами. Однако технологи и историки не могут ответить на важнейший, экзистенциальный вопрос российской книжности: как сделать так, чтобы директора публичных и детских библиотек получали такое же государственное довольствие, как младшие лейтенанты вооруженных сил?

Итак, диагноз российского недуга — *социальная дегуманизация*. Дегуманизированное общество не может быть процветающим ни в экономическом, ни в политическом, ни в культурном отношении. Дегуманизация, то есть утрата цивилизованного облика человеческого, не только отвратительна, но и опасна. Дегуманизированная техногенная цивилизация нежизнеспособна, поэтому риск дегуманизации представляет собой прямую угрозу национальной безопасности страны. Волнует ли эта угроза нашу государственную власть? Ответом на этот вопрос может служить государственная политика построения информационного общества в России.

3. Политика построения информационного общества. Начиная с 80-х годов прошлого столетия, идея информационного общества приобрела популярность в академической среде и у высшего политического руководства России. Их привлекали доступ к мировым информационным ресурсам, глобальные масштабы коммуникации, высокопроизводительные информационные технологии, становление информационной экономики, интеллектуализация общества, совершенствование управления и прочие рекламируемые достоинства информатизации. Поскольку информатизация страны рассматривалась как необходимое условие социально-экономического прогресса, начались планомерные и довольно интенсивные работы по её реализации.

В 1995 году Государственная Дума приняла Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации»; в том же году Администрации Президента РФ разработала «Концепцию формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов». В конце 1998 года Государственная Дума одобрила «Концепцию государственной информационной политики». В русле этой политики находится «Концепция формирования информационного общества в России», предложенная Государственным комитетом Российской Федерации по связи и информатизации в мае 1999 г. На международной арене информационная политика нашего государства проявилась в присоединении России к «Хартии Глобального Информационного общества», принятой на саммите стран «большой восьмерки» (июль 2000 года, Окинава). С положениями Окинавской Хартии была согласована Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010)». В феврале 2008 г. Совет Безопасности Российской Федерации одобрил новый директивный документ — «Стратегию развития информационного общества в России».

Названные концепции, стратегии, хартии единогласно обещают нам: «улучшение условий жизни населения, повышение эффективности общественного производства, содействие стабилизации социально-политических отношений на основе внедрения средств вычислительной техники и коммуникации»; «полноценную жизнь и эффективную деятельность человека в информационном обществе XXI века», «согласование интересов граждан, общества и государства»; «использование материальных и духовных благ информационной цивилизации для того, чтобы обеспечить населению России достойную жизнь, экономическое процветание и необходимые условия для свободного развития личности». При этом ни в одном официальном документе, ни в одной концепции, стратегии или программе, нацеленной на построение в России информационного общества, нет слов «книга» или «чтение».

В 2010 году государственная программа «Электронная Россия» оказалась исчерпанной, и Министерство коммуникации и связи разработало новую Долгосрочную целевую программу «Информационное общество (2011-2020)», которая является особенно ярким и впечатляющим выражением государственных приоритетов. Цель Программы сфор-

мулирована многообещающе: получение гражданами и организациями преимуществ от применения информационных и телекоммуникационных технологий за счет обеспечения равного доступа к информационным ресурсам, развития цифрового контента, применения инновационных технологий, радикального повышения эффективности государственного управления при обеспечении безопасности в информационном обществе. Цель конкретизируется в виде многочисленных задач: повышение качества жизни граждан и улучшение условий развития бизнеса; упрощение взаимодействия общества и государства; перевод государственных и муниципальных услуг в электронный вид; построение электронного правительства и повышение эффективности государственного управления; перевод в электронный вид государственной учетной деятельности; развитие телерадиовещания; развитие российского рынка информационных и телекоммуникационных технологий, обеспечение перехода к экономике, осуществляемой с помощью информационных технологий и т.д. Не забыто и библиотечное дело. Предусмотрено создание национального библиотечного ресурса с унифицированным каталогом на базе оцифрованных фондов Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина, библиотек государственных академий наук Российской Федерации, а также государственных и муниципальных публичных библиотек. В качестве контрольных показателей информатизации российских библиотек приняты: доля библиотечных фондов, переведенных в электронную форму в общем объеме фондов общедоступных библиотек должна составлять 50% к 2015 году и не менее 75% к 2020 году; доля библиотечных фондов, внесенных в электронный каталог, в общем объеме фондов общедоступных библиотек должна составлять 100% к 2015 году.

Гарантией неперемногого выполнения Государственной программы РФ «Информационное общество (2011 – 2020 годы)» служит внушительное финансовое обеспечение. В общей сложности из средств федерального бюджета, из бюджетов субъектов РФ, из внебюджетных источников планируется собрать 3 788 млрд. рублей в ценах соответствующих лет⁷. Если обратиться к разработанным Министерством финансов РФ «Основным направлениям бюджетной политики», можно установить, что десятилетние расходы федерального бюджета на культуру и кинематографию будут составлять около 740 млрд., на здравоохранение не более 4 000 млрд., на образование около 5 000 млрд. рублей. Таким образом, можно сделать вывод, что наши государственные стратеги озабочены не гуманизацией, а информатизацией России, и построение информационного общества — главная стратегическая цель Российской Федерации на текущее десятилетие. Причем будущее российское общество мыслится как общество *нечитающее и бескнижное*.

Не удивительно, что информатизация библиотек и формирование электронных библиотечных сетей официально признаны приоритетными научно-практическими проблемами библиотечного дела. Если исходить из буквы и духа государственных установок, то библиотекам следует считать главной *информационную функцию* и видеть свою миссию в удовлетворении информационных потребностей пользователей на основе информационных порталов Президентской библиотеки и других информационных ресурсов. Следовательно, государственная библиотечная политика направлена на трансформацию библиотечного пространства в информационное пространство, преобразование библиотек в информационно-мемориальные центры, и исключение понятий «книга» и «чтение» из самосознания современной российской культуры.

Я боюсь, что, даже если каждый первоклассник будет иметь персональный смартфон, а всякий безработный получит неограниченный доступ к электронному правительству, что даже если в 2015 году все общедоступные библиотеки обзаведутся электронными каталогами, а половина их фондов будет переведена в электронную форму, то это несколько не уменьшит пагубную дегуманизацию нашего общества. Все-таки жаль, что у нас нет ни федеральных законов, ни целевых программ, ни стратегических концепций,

⁷ Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011 – 2020)». Приложение 4.

где звучала бы обеспокоенность судьбами книги, чтения, российской книжной культуры. Вырисовывается довольно безрадостная перспектива. На что же надеются теоретики нашей библиотечной науки?

4. Дегуманизация библиотечной теории. Удивительно, что ученые библиотековеды не озабочены дегуманизацией Отечества. В Федеральном законе «О библиотечном деле» (1994), регулирующем общие вопросы и принципы библиотечной деятельности в нашей стране, сказано, что библиотека — это «информационное, культурное, образовательное», но не гуманистическое учреждение. Отсюда следует, что библиотечная деятельность нацелена на выполнение информационной, культурно-просветительной, образовательной функции, а о гуманистической миссии законодатели умолчали. Стало быть, никакого «библиотечного гуманизма» нам не нужно, а противостояние усугубляющейся дегуманизации многонационального российского социума, где процветают насилие, ксенофобия, аморальность, алчность и т.д. — не забота библиотечного сообщества. Не случайно же понятие «библиотечный гуманизм» отсутствует в капитальной «Библиотечной энциклопедии» (2007) и в лексиконе библиотековедения вообще. Наверное, предполагается, что библиотека по умолчанию — гуманна и гуманистична, и поэтому о гуманизации библиотечного пространства не стоит беспокоиться.

В наши дни с подобным «умолчанием» согласиться нельзя, потому что вовсе не очевидно, что население информационного социума станет прилежно читать библиотечные книги. Наивные библиотечные теоретики самоубийственно стремятся в информационное общество, плохо представляя себе социальную структуру и образ жизни этого общества, его ценностные ориентации и духовные противоречия. Буквально все авторы концепций информационного общества⁸ предвидят в будущем развитие глобальных информационных сетей, электронной коммуникации и искусственного интеллекта, а *о книгах и библиотеках не упоминает никто*. Видимо, предполагается, что «безбумажному» обществу книжная культура противопоказана. В то же время информационное общество видится многим футурологам не равноправным содружеством соотечественников, а «человекином», расколотым на два антагонистических «полюса социального противостояния»: 1) высшая страта *меритократов* (*яппи* — активные творческие люди), представители которой происходят, как правило, из образованных и обеспеченных семей, отличаются высоким уровнем образованности, заняты в высокотехнологичных отраслях хозяйства, занимают высокие посты в корпоративной или государственной иерархии; 2) низшая страта (*хиппи* — пассивные тунеядцы), состоящая из рабочего класса или неквалифицированных иммигрантов, которые отличаются невысокой образованностью и подвижны, главным образом, материальными нуждами, заняты в массовом производстве или примитивных отраслях сферы услуг.

Особенность социального антагонизма в информационном обществе будет состоять в том, что принадлежность к господствующей страте обуславливается владением *интеллектуальным капиталом* — образованностью и творческими способностями. Поскольку умственное развитие и образованность достигаются с детского возраста и определяются средой воспитания и генетической наследственностью индивида, рабочие не имеют шансов присоединиться к высшей страте. Поэтому низшая страта обречена на материальное обнищание и духовную деградацию, а высшая страта постепенно превратится в замкнутую касту, отторгающую пришельцев и воспроизводящую сама себя.

Библиотеки в этом обществе никому не нужны. Меритократам потребуются информационные службы, питающие их интеллектуальный капитал, и они создадут для себя высокотехнологичную глобальную информационную систему. Невзыскательные вкусы низшей страты будут удовлетворять красочные мультимедийные шоу, многосерийные телефильмы, спортивные передачи, азартные викторины и иные, пока еще неизвестные находки коммерческой массовой культуры. Конечно, благодаря искусной книжной рекламе в бога-

⁸ Соколов А.В. Информационное общество в виртуальной и социальной реальности. — СПб.: Алетейя, 2012. — С. 167–230.

том ассортименте досуговых развлечений нижней страты найдет свое место полиграфическая и электронная продукция коммерческого книгоиздания. Значительная часть граждан информационного общества вообще откажется от чтения книг, довольствуясь общедоступными ресурсами электронной коммуникации.

Футурологи-гуманисты предупреждают: информационное общество в технократическом варианте — путь к вырождению, к расчеловечиванию рода человеческого. Дело в том, что техногенное могущество нуждается в гуманистическом противовесе. Философ-антрополог А.П. Назаретян вывел *закон техно-гуманитарного баланса*: «чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные механизмы сдерживания агрессии необходимы для сохранения общества». Согласно этому закону *гуманизм жизненно важен для устойчивого развития информационного общества*. В гуманистической защите особенно нуждается наше, духовно больное Отечество. Следовательно, российскому библиотечно-библиографическому социальному институту, желающему занять достойное место в грядущем информационном обществе, следует не игнорировать губительные процессы дегуманизации, а посвятить себя выполнению гуманистической социальной миссии, то есть стать носителем библиотечного гуманизма. Что я имею в виду?

5. Библиотечный гуманизм. Суть гуманистической миссии библиотек заключается в утверждении в общественном сознании гуманистических универсалий культуры и активном противостоянии всем проявлениям дегуманизации общества. Библиотечная деятельность, нацеленная на выполнение гуманистической миссии, представляет собой *библиотечный гуманизм*. Таким образом, гуманистическая миссия и библиотечный гуманизм неразрывно связаны друг с другом и предполагают друг друга. Эталонную формулу гуманизма (см. раздел 1) применительно к библиотечно-библиографическому социальному институту можно представить в следующем виде:

$$\text{Библиотечный гуманизм} = \{ \mathbf{A}_B + \mathbf{B}_B + \mathbf{C}_B + \mathbf{D}_B + \mathbf{E}_B \}, \text{ где}$$

\mathbf{A}_B — рационалистическая универсалия (разум, знание), которую в библиотеке представляют фонды и библиотечные работники, образующие *гуманистические ресурсы* библиотечного института;

\mathbf{B}_B — реализация прав человека на свободу мысли, слова, общения, воплощающаяся в *свободном доступе* читателей к библиотечным фондам (отсутствие цензуры и каких-либо формальных ограничений);

\mathbf{C}_B — эстетическая универсалия — приобщение читателей к миру художественной литературы и искусству книги, поощрение библиофильства и ощущения таинственной магии книги;

\mathbf{D}_B — ценностно-целевая универсалия, которая сводится к культурантропоцентризму, в соответствии с которым библиотека служит для читателей центром книжности, информационной культуры и непосредственного общения, а для библиотекарей-гуманистов — областью реализации бескорыстного альтруизма;

\mathbf{E}_B — этическая универсалия, которая выражается не только в квалифицированном обслуживании информационных запросов, но и в толерантном (доброжелательном) диалоге работников библиотеки с читателями и коллегами в рамках профессиональной этики.

Словесная формулировка понятия «библиотечный гуманизм» читается следующим образом: **библиотечный гуманизм** — *такая система профессиональной библиотечной деятельности, когда библиотека представляет собой рационально и эстетически обоснованный социально-культурный центр гуманистической книжности со свободным доступом к его документным фондам локальных и удаленных пользователей и диалоговым субъект-субъектным общением читателей и сотрудников библиотеки*. Библиотечный гуманизм характеризует полноту осуществления гуманистической миссии в процессе библиотечной деятельности. Если реализуются все культурные универсалии, гуманистическая миссия осуществляется в полном объеме, если не все, то — частично или не вы-

полняется вообще. Естественно, возникает вопрос о том, насколько гуманистична современная российская библиотечная практика.

Подобно ученым библиотековедам, библиотекари-практики также мечтают об информатизации, компьютеризации, интернетизации библиотек и не задумываются о глобальных угрозах техногенной цивилизации. Но у них есть одно важное преимущество перед абстрактно мыслящими теоретиками. Книги, как известно, облагораживают своих служителей, поэтому большинство библиотечных работников — это *стихийные гуманисты*, подсознательно, явочным порядком практикующие гуманистические универсалии в своей деятельности. Дело в том, что существует таинственная магия книги, которую нельзя оцифровать и выставить на Интернет-сайте. Правда, Интернет обладает собственной магией, которая, однако, не столь благородна, потому что она скорее дегуманистична, чем гуманистична.

Стихийный библиотечный гуманизм — это особое профессиональное качество, которое заслуживает специального разговора. Я пытался начать этот разговор в книгах, посвященных библиотечной интеллигенции в России⁹. Было предложено следующее определение: *библиотечная интеллигентность* — интегральное качество личности, включающее на уровне соответствующего поколения русской интеллигенции: а) образованность и книжную культурность; б) креативность (творческая способность); в) этическое самоопределение в виде осознанного общественного долга, коммуникационной толерантности, благоговения перед Книгой. Наиболее полным воплощением библиотечной интеллигентности является гуманист-книжник, соответствующий эталонной формуле гуманиста (образованность, творческое самовыражение, чувство прекрасного, бескорыстный альтруизм, толерантность). Библиотечный гуманизм ощущается библиотечными работниками на интуитивно-эмпирическом уровне и выражается в их инновационной деятельности. С.Г. Матлина, рассказывая о библиотечной инноватике, фактически написала книгу о библиотечном гуманизме¹⁰, хотя термин «гуманизм» она не использовала. Многочисленные примеры гуманистической деятельности приведены на страницах профессиональной библиотечной периодики. Они нуждаются в специальном анализе и обобщении.

Библиотечный социальный институт располагает драгоценными гуманистическими ресурсами, без использования которых невозможно преодолеть недуги дегуманизации и социальные пороки, включая алкоголизм, наркоманию, преступность. Решающая роль в гуманизации нации принадлежит следующим библиотечным ресурсам:

а) *Опредмеченный гуманистический ресурс* — книжные фонды. Фонды — это не только носитель информации и средство заполнения досуга, но и воплощение национального самосознания и общечеловеческой культуры. Творческое общение книги и читателя — это *субъект-субъектный* диалог, непосредственно воздействующий на рациональную и эмоционально-нравственную сферу читателя. Читательская деятельность изначально, со времен Возрождения была необходимым условием формирования человека-гуманиста. Практически именно в XV веке, когда появились печатные книги и публичные библиотеки, когда началось становление национальных библиотечно-библиографических институтов, зародилась гуманистическая библиотечная деятельность, представляющая собой библиотечный гуманизм. Поэтому библиотека без книг — это технократический, а не гуманистический центр.

б) *Живой гуманистический ресурс* — библиотечная интеллигенция, т.е. интеллигенты-гуманисты, являющиеся профессионалами библиотечного дела и библиографии. Можно представить библиотеку без книг и без читателей, но библиотеку без библиотекарей представить нельзя. Тем более, немыслима библиотека как гуманистический центр без

⁹ Соколов А.В. Библиотечная интеллигенция в России. Ч. 1. XI–XIX века. Исторические очерки. – М.: Либерея-Библинформ, 2007. – 192 с.; Соколов А.В. Библиотечная интеллигенция в России. Ч. 2. XX–начало XXI века. Исторические очерки. – М.: Либерея-Библинформ, 2008. – 304 с.

¹⁰ Матлина С.Г. Публичная библиотека: пути инновационного развития: избранное. – СПб.: Профессия, 2009. – 376 с.

библиотекарей-интеллигентов, стихийных гуманистов. Библиотечный гуманизм ощущается библиотечными работниками на интуитивно-эмпирическом уровне, поскольку библиотечная школа не снабдила их нужными знаниями и умениями, а наука не вооружила научно-методическими пособиями.

Следует признать, что мы, ученые библиотековеды и библиотечные педагоги находимся в долгу перед библиотекарями-гуманистами, авангардом библиотечной профессии, отважно и самоотверженно, зачастую подвижнически выполняющим свою миссию в неблагоприятной социальной среде. Нам нужно самим осознать и убедительно объяснить технократической власти, что, в конечном счете, для российской нации хороший библиотекарь или учитель важнее, чем хороший полицейский или чиновник. Книжные фонды — это не только источник получения информации и средство заполнения досуга, но и необходимый элемент национального самосознания и общечеловеческой культуры. Поэтому научные и публичные, детские и школьные, национальные и региональные библиотеки представляют собой не просто социально-культурные учреждения, а *гуманистический оплот нации*. Сохранение национального гуманизма в информационном обществе риска — гуманистическая миссия библиотечного сообщества.

6. Информатизация гуманизма и гуманизация информатизации. Реализовать библиотечный гуманизм в условиях техногенного информационного общества невозможно без обращения к информационно-коммуникационным технологиям, без использования Интернета и развития виртуального библиотечного пространства. Поэтому деятельность по информатизации (компьютеризации, интернетизации) библиотек полезна и даже необходима. Однако нужно понимать и отдавать себе отчет, что высокие информационные технологии и Интернет 2.0 являются самоцелью только для их производителей, которые получают баснословные прибыли на глобальном информационном рынке. Для потребителей же, в том числе и для библиотек, все продукты техносферы, представляют собой *средства*, которые могут быть использованы для достижения разных целей. В настоящее время целью библиотечно-библиографической деятельности считается приоритетное выполнение информационной функции, то есть оперативный, полный и точный (минимум информационного шума) ответ на поступивший информационный запрос, и здесь электронно-коммуникационные средства крайне желательны. Однако гуманистическая миссия библиотек в этом случае не выполняется. Имеет место рыночное клиент-ориентированное обслуживание, а не использование библиотечных гуманистических ресурсов. Вместо *субъект-субъектного* диалога, свойственного библиотечному гуманизму, начинает превалировать дистанционное клиент-ориентированное обслуживание, означающее *субъект-объектное* отношение, где роль управляющего субъекта играет клиент, а библиотекарь становится управляемым объектом. Целью библиотечного гуманизма является не столько информационное обслуживание читателей (информационное обслуживание в онлайн-режиме — банальный признак библиотечно-библиографического профессионализма), сколько уменьшение дегуманизации российского общества. Именно этой цели наши библиотеки должны служить всеми своими средствами.

Совершенно очевидно, что информатизированная по последнему слову техники электронная библиотека, предоставляющая «гуманистические информационные услуги», будет лучше служить современному обществу, чем гуманистическая библиотека, основанная на технологиях «времен парусного флота», потому что первая будет оперативнее, дешевле, комфортнее выполнять гуманистические программы. Камень преткновения заключается в вопросе: возможна ли алгоритмизация гуманистических программ, то есть информатизация библиотечного гуманизма? Другими словами: можно ли оцифровать гуманизм? Ответа на этот вопрос у нас нет. Известно лишь, что искусственный интеллект чужд гуманизму, потому что он не способен имитировать совесть.

Здравый смысл подсказывает, что библиотеки понадобятся глобальному информационному обществу только в том случае, если они смогут предложить ему такие существенно важные ценности, которые превышают возможности Интернет и вообще электрон-

ной коммуникации. Я считаю, что библиотечный гуманизм является источником ценностей такого рода. Интернет не способен пробудить в своих пользователях бескорыстный альтруизм или этническую толерантность, он всего лишь поставщик информации к размышлению. Книга же обладает магической силой, и сотворчество автора и читателя может стать не только усилителем интеллекта, но и будильником совести. Магия книги заключается в том, что она содержит часть духовности своего автора, которая вызывает к духовности читателя. Если получается резонанс, встреча двух родственных духовностей, появляется пламя духа, обжигающее память. Этот резонанс никак нельзя уподоблять человеко-машинному интерфейсу. Поэтому Книгу, в отличие от сайтов Интернет, можно перечитывать неоднократно, каждый раз находя в ней новое содержание. Короче говоря, библиотечные фонды в книжной форме представляют собой гуманистический ресурс, оцифрованные же фонды — это не гуманистический, а информационный ресурс, рассчитанный на машинную обработку и рациональное, а не морально-эмоциональное восприятие пользователя.

Противоречие между идеей гуманизации общества и идеей информатизации общества заключается в том, что гуманизация есть цель социальных преобразований, а информатизация — средство достижения этой цели. Цель и средство неразрывно связаны друг с другом, поэтому эти две идеи должны не конкурировать (что имеет место в настоящее время), а дополнять друг друга в стратегических программах развития российских библиотек.

7. Выводы Универсальное правило «мыслить глобально — действовать локально» в контексте библиотечного гуманизма выглядит так: «мыслить гуманистично — действовать технологично». Подытоживая сказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Для устойчивого развития человечества в XXI веке *необходимо неразрывное сочетание гуманизации (цель) и информатизации (средство)*. Вследствие неразрывности этого сочетания, грядущее информационное общество не может не быть гуманистическим, а гуманистическое общество следует мыслить как информационное. Информатизацию (компьютеризацию, интернетизацию) следует рассматривать не в качестве самоцели, а в качестве *вспомогательного средства* гуманизации библиотечно-библиографического социального института в условиях глобальной техногенной цивилизации.

2. Библиотечно-библиографический социальный институт будет нужен грядущему информационному обществу в той мере, в какой он возьмет на себя выполнение *гуманистической миссии*. Поэтому библиотечное сообщество должно признать приоритетной гуманистическую миссию, а не информационную функцию.

3. *Сущность библиотечного гуманизма* заключается в реализации такой системы профессиональной библиотечно-библиографической деятельности, когда библиотека представляет собой рационально и эстетически обоснованный социально-культурный центр гуманистической книжности со свободным доступом к его документным фондам локальных и удаленных пользователей и диалоговым субъект-субъектным общением читателей и сотрудников библиотеки.

4. Библиотековедению и библиографоведению следует сосредоточиться на разработке проблем «*Гуманизм и библиотеки*» и «*Библиотеки в глобальной техногенной цивилизации*». Нам нужно уяснить суть гуманистической миссии библиотек в информационном обществе и разработать гуманитарные технологии библиотечного дела, в частности, использование Интернета как гуманистического ресурса. Особенно важной, может быть, даже первоочередной задачей являются: гуманизация библиотечной школы, которая перестала быть библиотечной, гуманизация библиотековедения и библиографоведения, которые исключили понятие «гуманизм» из своего лексикона, наконец, гуманизация библиотечного управления и библиотечного права.